Неизвестный Андрей Соболь

Владимир Хазан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь и творчество Андрея Соболя, одного из первых, если не первого, переводчика Шолом-Алейхема на русский язык, писателя с широко и разнообразно представленной еврейской тематикой, еврейскими персонажами и еврейскими заботами и переживаниями, практически не изучены. Трудно понять, почему при столь обостренном и вроде бы непоказном интересе, который вызывают сегодня русско-еврейская литература и русско-еврейские писатели куда меньшего калибра и масштаба, затонувшая литературная Атлантида Соболя до нынешнего дня не встретила подобающего исследовательского и издательского внимания и сочувствия.

- Владимир Хазан
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

Владимир Хазан
Неизвестный Андрей Соболь

Андрей Соболь (незадолго до ареста).

Вильна, 1906 год

Кратко напомню биографию писателя. Андрей (он же Юлий, а еще аутентичней — Израиль) Михайлович (Моисеевич) Соболь родился в Саратове в 1888 году. Рано потерял отца и 14-летним подростком начал самостоятельную жизнь. Жизнь в основном бродяжническую, безбытную, без определенного плана и замысла, но зато богатую с точки зрения накопления впечатлений. Как и многие его сверстники-соплеменники, с ранних лет оказался окутан романтической революционной дымкой и героическими легендами о кровавом терроре, жаждущем отмщения сильным мира сего за унижения и страдания. В 16 лет стал революционным агитатором, не только писал пламенные стихи о свободе, но и числился членом эсеровской организации, и вооруженная борьба с самодержавием была для него не одной лишь красивой метафорой, хотя впоследствии он рассказывал об этом не без эстетического флера: «…разъезжал по еврейским городкам и местечкам, очень милым девушкам рассказывал о французской революции, „разъяснял“ Энгельса, цитировал Блосса». 5 июля 1906 года состоялся совсем не метафорический Виленский военно-окружной суд, который приговорил Соболя к четырем годам каторги «за хранение оружия для доставления

средств необнаруженному преступному сообществу, имевшему целью вооруженное восстание против верховной власти». Местом отбывания наказания была определена Восточная Сибирь — Амурская колесная дорога, Горный Зерентуй, откуда он в 1908 году бежал и, умудрившись пройти в качестве беглого каторжанина весь гигантский путь с востока на запад, добрался до Западной Европы. После этого Соболь и Европу избороздил как Россию. В анкете, заполненной годы спустя, на вопрос: «Были ли в эмиграции, где, когда и сколько?» — он ответит: «1909–1914. Повсюду, кроме Англии, Испании и Португалии»[1].

В годы первой мировой войны Соболь тайно вернулся в Россию, без которой своей жизни не мыслил. Именно этим всепожиравшим его чувством российского genius loci только и можно объяснить то, что он, эсер с младых, что называется, ногтей, заклятый антибольшевик, когда Русь стала советской, не ушел в эмиграцию, а в качестве весьма заметного творческого деятеля остался служить большевистской тирании. Внешне его жизнь сопровождал литературный успех — «удачно» складывавшаяся карьера советского писателя: в 1920-х годах его много печатали, он был членом правления Всероссийского писательского союза, членом бюро секции работников печати, входил в Общество политкаторжан и пр. Еще не наступил в стране тот кровавый кошмар, когда все эти должности и звания, наряду с чувством удовлетворения творческих амбиций и воплощения карьерных притязаний, рождали чувство животного страха и неуверенности, что положение сие ненадежно и продлится очень недолго. Наступления подлинной «советской ночи» Соболь не дождался: 8 июня 1926 года при очередном припадке «черной меланхолии», которыми страдал едва ли не всю жизнь и которые выражали его тяжелейшие внутренние кризисы, он покончил жизнь самоубийством.

Две нижеследующие заметки посвящены одному маленькому документу: недавно найденному в Израиле его письму, по существу, записке, предположительно датируемой 1913 годом.

1

Рассказ «Встань и иди» (1918) Соболь создал путем соединения двух своих ранее написанных рассказов — «Нечаянно» (1916) и «Старая история» (1915), внеся лишь маргинальную текстовую правку. По сюжету рассказа, главный герой Александр Гомельский, он же Яков Балцан, он же Сурайский (обычный для Соболя прием ономастической

мультипликации героя), крестился, чтобы соединиться с любимой женщиной-христианкой. Однако в ходе разгоревшейся между ними ссоры жена бросает ему в лицо оскорбительное «жид», которое тот перенести не может. В результате произошедшего разрыва (хотя об этом ничего не говорится, но понятно само собой, что речь идет о среде политэмигрантов, в которой существовал сам Соболь после бегства с каторги) начинаются странствия героя по белу свету: он оказывается то в Салониках, то в Париже и, наконец, в Италии, приобретя в напарники ослика, древний символ скитания.

Рассказ этот был впервые опубликован в сборнике «Сафрут», вышедшем в 1918 году в революционной Москве под редакцией еврейского поэта, переводчика и общественного деятеля Л. Яффе, который два года спустя покинет Россию и отправится в Палестину. В 1922 году в переработанном и измененном виде издание «Сафрута» было повторено в Берлине, в перебравшемся тогда в немецкую столицу издательстве С. Зальцмана. Венгерская исследовательница еврейской литературы на русском языке Жужа Хетени, одна из немногих, уделившая внимание данному соболевскому рассказу, датирует его именно этим, вторым, изданием, т. е. 1922 годом[2]. Справедливо обращая внимание на его центральную тему — антисемитизма, пробирающегося в самые интимные и заповедные уголки человеческого существа и существования (любовные, семейные отношения) и совершающего там свою грязную и предательскую работу, — ученый показывает, как Соболь безбоязненно идет на заострение темы: юдофобия не только выплата дани вековым общественным предрассудкам, но глубокая душевная болезнь, поражающая всех и вся на своем пути. Она разрушительна по самой своей сути, и для нее нет преград — она рвет любые наипрочнейшие человеческие связи, будь то приятельство, дружба или даже любовь.

Оказавшись в Париже, герой соболевского рассказа в поисках заработка поступает в кочующую по градам и весям еврейскую театральную труппу, разыгрывающую перед зрителями спектакль «Мендель Бейлис» о знаменитом, шагнувшем за пределы России и приковавшем к себе внимание всего мира кровавом навете — обвинении киевского приказчика М. Бейлиса в убийстве в 1911 году с ритуальными целями христианского подростка Андрюши Ющинского. Герой «Встань и иди», совершивший отступничество от веры предков, играет в этом спектакле роль евреененавистника Пранайтиса, литовского ксендза, выступившего на процессе Бейлиса в роли богослова-эксперта: он не только по внешним данным «до смешного похож на ксендза из Литвы — высокий, худой, жилистый, длинноногий»[3], но и как бы по внутренней

сути, совершенным в реальной жизни переходом в христианство, соответствует «масштабу» исполняемой роли.

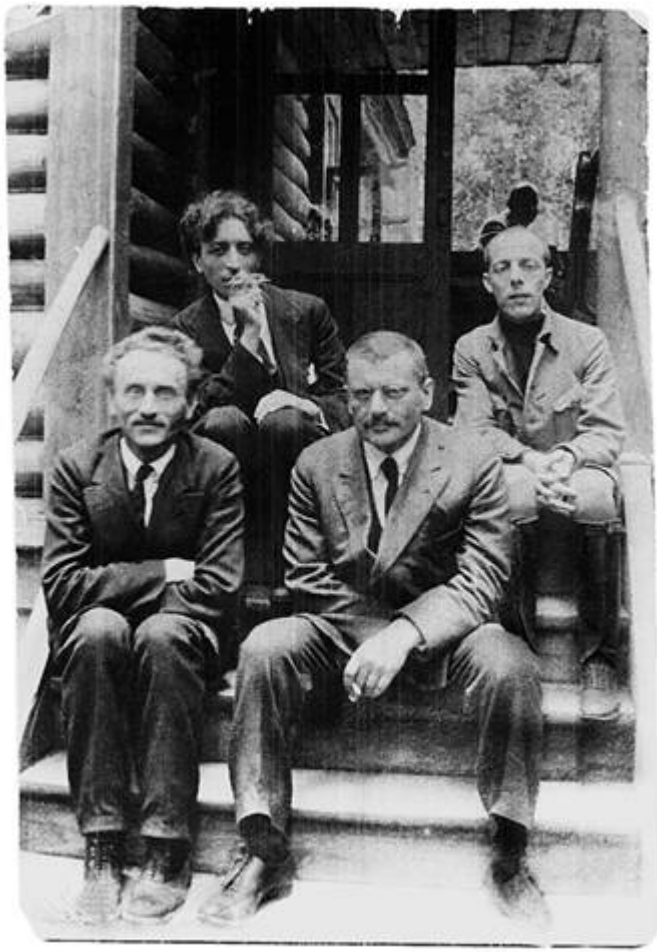
Встреча рассказчика с Гомельским-Балцаном-Сурайским, которого он знал по его старым местам обитания — Швейцарии и Франции, происходит в Италии, где тот, купив вышеупомянутого ослика, а к нему тележку и старую шарманку, «которая шипела, как шипят иногда разозлившиеся дряхлые кошки»[4], стал добровольным скитальцем, что, как можно думать, на языке соболевской метафорики должно означать возвращение в прежнее — еврейское — состояние. Иудейскую коннотацию, несомненно, содержит и само название рассказа, на что справедливо обращает внимание Ж. Хетени: используемая в самом тексте форма ашкеназийского иврита «лех лейхо» корреспондирует не с «встань и иди» («кум леха», Ион., 1:2), а восходит к началу 12-й главы книги Бытия: «И сказал Г-сподь Авраму: пойди из земли твоей…»[5]

Однако рассказ этот, судя по всему, заключает в себе некий еще более глубокий, таинственный и доныне не прочитанный подтекст, который ассоциативно связан с возвращением в еврейство конкретной личности — Петра (Пинхаса) Моисеевича Рутенберга.

В прошлом питерский инженер, человек близкий к террористам, мастерам «красного цеха», наводившим ужас на сильных мира сего, приставленный как член партии эсеров к Гапону, организовавшему и возглавившему шествие рабочих с петицией к царю 9 января 1905 года (Кровавое воскресенье), Рутенберг после разоблачения бывшего попа, ставшего полицейским агентом, явился организатором его казни. В результате этого он бежал из России, где его ждал неизбежный арест, и оказался в Италии. В свои «итальянские каникулы» он на время оставил революционную деятельность и занялся более мирными инженерными делами. Будучи в России женат на христианке Ольге Николаевне Хоменко, хозяйке демократического издательства «Библиотека для всех», и в связи с этим крестившийся, Рутенберг в Италии, вместе с мыслью о разводе, вынашивал решение «расправославиться». В свое время в книге о Рутенберге я привел его письмо Ольге Николаевне, хранящееся в личном архиве современного санкт-петербургского историка Ф. Лурье. Письмо это написано из Милана и датировано 30 декабря 1911 года. В нем автор прямо говорит о «расовой неприязни» той, кто еще вчера считалась верной спутницей его жизни:

Не я к тебе, а ты ко мне относишься враждебно, хоть

и бессознательно, может быть; это злоба на незаслуженную тяжелую долю, доставшуюся тебе благодаря мне, злоба, органически существующая, понятная, проявившаяся в слишком ощутительной форме, к сожалению, затуманенная подсказанной тебе (?) расовой неприязнью[6].



В верхнем ряду справа налево: А. Соболь, неизвестное лицо.

В нижнем ряду: П. Рутенберг, Л. Яффе

А год спустя, 7 января 1913 года, Рутенберг обратился к находившемуся тогда же в Италии Б. В. Савинкову и просил помочь найти адвоката, дабы узнать у него, «что я должен сделать, чтобы расправославиться и быть по-прежнему

записанным в документах евреем»[7]. Очень похоже, что адвокат, рекомендованный Савинковым, был не кто иной, как будущий защитник упомянутого выше Бейлиса (суд над которым произойдет осенью того же 1913 года) Оскар Осипович Грузенберг, — по крайней мере, в своих воспоминаниях последний пишет о встрече с Рутенбергом в Италии[8].

Когда писалась упомянутая выше книга о Рутенберге, где прослежен его путь от российского революционера-террориста до главы электрической компании в Эрец-Исраэль, о его контактах с Соболем в Италии мне было известно крайне мало (в рутенберговском дневнике имеется фраза, записанная, по всей видимости, позднее и носящая «мемуарный» характер: «Тогда в Италии встретил Андрея Соболя. Позже роман „Пыль“[9]. Все его мысли были тогда о России»). Не имея на руках никаких других свидетельств этого знакомства и встречи (встреч?), я, невольно «микшируя» их значение, писал: «Сам А. Соболь о встрече с Рутенбергом, насколько нам известно, нигде не упоминал — скорей всего, она ему не запомнилась или не показалась важной или интересной»[10]. Обнаруженное недавно в израильском архиве Рутенберга недатированное письмо к нему автора рассказа «Встань и иди» не только дополняет их отношения новой информацией, но и, в порядке опровержения приведенного высказывания, отбрасывает важный отсвет на раннее творчество писателя.

Это любопытное во многих отношениях полустраничное письмецо завершается приветом, который Соболь шлет «милому ослику» Рутенберга, интересуясь при том, «как он там поживает» и помнит ли «персонально» его, Соболя? В известных мне источниках об итальянском периоде жизни Рутенберга, включая донесения загранотдела российской охранки, которая вела пристальное наблюдение за вчерашним «возмутителем порядка», никаких упоминаний об ослике вроде бы нет. Не склонный к украшению жизни бессмысленными безделицами и безделушками, суровый Рутенберг в качестве хозяина столь экзотического животного выглядит по крайней мере странно, и единственным объяснением, что он таковым обзавелся, служила, по-видимому, практическая надобность в «перевозочном транспорте» (как было сказано выше, в Италии бывший террорист и убийца Гапона вернулся к инженерному труду и приобрел имя как талантливый и изобретательный гидростроитель).

Следует полагать, Соболь был осведомлен о произошедшей в жизни Рутенберга семейной драме и о планах «раскаявшегося отступника» вернуться в еврейство. Именно этот реальный сюжет, как представляется, послужил импульсом для сочиненного им

рассказа, в котором ненадуманные события, в полном соответствии с требованиями изящной словесности, укутаны вымыслом: так, рабочий ослик Рутенберга оказался обвешан разноцветными веселыми лентами бродяги Александра Гомельского.

2

Вызывающая прилив адреналина поэтика секретного и конспиративного имеет свойство приковывать общественное внимание. Нет поэтому ничего удивительного в том, что один из величайших провокаторов всех времен Евно Азеф превратился в аттрактивнейшую фигуру российской политической и социальной жизни. Кажется, пути-дороги Азефа и Соболя никогда не пересекались и пересекаться не могли. В России революционный агитатор Соболь был для главного заправилы отечественного террора мелкой сошкой. За границей он оказался в конце 1908 года, когда Азеф был уже разоблачен, бежал из Парижа в Берлин и до смерти в 1918 году прожил там, затаившись и полностью сойдя с общественной сцены. Вместе с тем Соболь был близко знаком со многими ведущими участниками российского революционно-кровавого спектакля, а с известной террористкой Ксенией Ксенофонтовной Памфиловой, женой выданного охранке Азефом и затем казненного в 1907 году боевика Льва Ивановича Зильберберга, состоял, живя в эмиграции, в интимных отношениях. Соболь попал в Европу, когда политэмигранты бурлили от еще не пережитого шока, испытанного в связи с разоблачением Азефа. Понять и переварить это казалось невозможным: «великий провокатор» одной рукой управлял Боевой организацией, державшей в страхе всю пирамиду российской власти — от Николая II, министров и членов Государственного совета до губернаторов и градоначальников, и далее вниз по сословной и служебной лестнице — вплоть до полицмейстеров и жандармских чинов, а другой направлял в Департамент полиции донесения на тех самых боевиков, которых посылал или намеревался послать совершать «возмездные акты». В случае с Азефом правая рука хорошо знала, что делает левая.

Осуществленное В. Л. Бурцевым, с которым Соболь был близко знаком, разоблачение Азефа как полицейского агента достигло кульминации 26 декабря 1908 года, когда главный партийный орган эсеров «Знамя труда» поместил на своих страницах следующее сообщение:

> Центральный комитет п<артии> с.-р. доводит до сведения партийных товарищей, что инженер Евгений Филиппович Азев <так!>, 38 лет (партийн<ые> клички: «Толстый», «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич»), состоявший членом партии с.-р. с самого основания, неоднократно избиравшийся в центральные учреждения партии, состоявший членом БО и ЦК, уличен в сношениях с русской политической полицией и объявляется провокатором. Скрывшись до окончания следствия над ним, Азев, ввиду своих личных качеств, является человеком крайне опасным и вредным для партии. Подробные сведения о провокаторской деятельности Азева и ее разоблачении будут напечатаны в ближайшем времени.

Это было официальное признание не просто произошедшей политической катастрофы или фактически несмываемого нравственного позора, но некое деяние, которому трудно подыскать прецеденты как в российской, так и в мировой истории. В литературе такая тема оказалась бы по плечу разве что Достоевскому.

Азеф, по-видимому, заинтересовал Соболя именно с этой, литературной, стороны — как своего рода «минус-герой» большой исторической драмы. В том же самом письме-записке, о котором шла речь в первой заметке, он сообщает Рутенбергу о задуманном им романе об Азефе. Свой замысел молодой писатель передавал в предельно сжатой форме, богатой в то же время достаточно глубокими потенциальными смыслами. Обращаясь к Рутенбергу, он, как думается, искал одобрения своим мыслям у одного из тех, кто Азефа, к своему великому несчастью, очень хорошо знал лично:

> Но самое ужасное в случае с Азефом, — писал Соболь Рутенбергу, — это то, что полиция и правительство хорошо знали, кто есть Азеф на самом деле, и все-таки позволяли ему продолжать эту игру. Все всё знали и делали вид, что не знают. Вы согласны со мной, Петр Моисеевич? Это же ведь была игра с заранее разученными ролями, и каждая сторона имела в ней свою выгоду. И Азеф знал, конечно, что они знают, и продолжал играть «двойную» роль. Но тогда в том-то вся и суть этой печальной и трагической истории. Вот бы удалось написать роман о том, как все это случилось.

Роман об Азефе Соболь не написал. Вероятнее всего, это был

один из тех случайных и летучих литературных замыслов, которые так же быстро оставляют писателя, как и овладевают им. Не исключено, однако, что замысел об Азефе предшествовал и в какой-то мере стимулировал роман «Пыль», над которым Соболь, судя по всему, начинает работать именно в это время. В нем отразилась жизнь революционеров-террористов с довольно неожиданной стороны: антисемитизм захватывает не только семейную сферу, но проникает в лагерь политических единомышленников и разводит по разные стороны бывших «товарищей по оружию». Впрочем, в рассказе «Встань и иди» данный смысловой оттенок тоже присутствует: неспроста ослик Гомельского окрещен «товарищем Михаилом» — по имени брата жены героя, его вчерашнего партийного соратника. Интересно, если это когда-нибудь окажется возможным, выяснить, как звали рутенберговского ослика и не воспользовался ли Соболь и здесь каким-то не измышленным, а вполне реальным источником сюжетостроения.

notes

Примечания

1

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 2762. Л. 2.

2

См.: Хетени Жужа. Андрей Соболь, русско-еврейский писатель // Русско-еврейская культура. М., 2006. С. 75; то же: Hete`nyi Zsuzsa. In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest; New York, 2008. P. 197, 198.

3

Соболь Андрей. Встань и иди // Сборники «Сафрут». Кн. 1. М., 1918. С. 47.

4

Там же.

5

Хетени Жужа. Андрей Соболь, русско-еврейский писатель. С. 77.

6

Хазан Владимир. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2-х томах. Т. 1. Иерусалим; М. <2008>. С. 289.

7

ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 31.

8

Национальная библиотека Израиля (Иерусалим). Arc. Ms Var 322/4.

9

Роман Соболя «Пыль» печатался в первых четырех номерах журнала «Русская мысль» за 1915 год.

10

Хазан Владимир. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. С. 213.